

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

1

ДЖ.К. РОУЛИНГ

Гарри Поттер

Джоан Кэтлин Роулинг

**Гарри Поттер и
философский камень**

«Pottermore limited»

1997

Роулинг Д.

Гарри Поттер и философский камень / Д. Роулинг — «Pottermore limited», 1997 — (Гарри Поттер)

ISBN 978-1-78110-188-9

«Перевернув конверт трясущимися руками, Гарри увидел на обратной стороне лиловую сургучную печать с гербом: лев, орел, барсук и змея вокруг большой буквы "X"». Гарри Поттер ни разу даже не слышал о «Хогварце», но на дверной коврик дома номер четыре по Бирючинной улице начинают падать письма. Адрес написан зелеными чернилами на желтоватом пергаменте, а конверт скрепляет лиловая печать. Однако письма тут же конфисковывают тетя и дядя мальчика, имеющие на редкость скверный характер. Потом, на одиннадцатый день рождения Гарри, в дом врывается гигант по имени Рубеус Огрид с невероятными новостями: Гарри Поттер — волшебник, и его ждет место в школе колдовства и ведьминских искусств «Хогварц». Потрясающие приключения начинаются!

ISBN 978-1-78110-188-9

© Роулинг Д., 1997
© Pottermore limited, 1997

Содержание

Гарри Поттер и философский камень	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дж.К. Роулинг

Гарри Поттер

Полная коллекция

Гарри Поттер и философский камень

Посвящается Джессике, которая любит сказки, и Энн, которая тоже их любит, а еще – Ди, которая первой услышала эту историю

Глава первая

Мальчик, который остался жив

Мистер и миссис Дурслей, из дома № 4 по Бирючинной улице, гордились тем, что они, спасибо преогромное, люди абсолютно нормальные. Трудно было вообразить, что они окажутся замешаны в делах необычных или загадочных – они не признавали всякой там чепухи.

Мистер Дурслей работал директором фирмы «Груннингс», которая выпускала сверла. Он был большой, грузный мужчина почти без шеи, зато невероятно усатый. Миссис Дурслей, тощая блондинка, обладала шеей удвоенной длины – и очень кстати, ибо эта леди часто и подолгу шпионила через забор за соседями. У Дурслеев имелся сынок по имени Дудли – и, по мнению родителей, на свет еще не родился ребенок прекрасней.

У Дурслеев было все, чего можно пожелать, но не только; еще они хранили страшную тайну – и смертельно боялись, как бы кто-нибудь ее не раскрыл. Они бы, наверное, не пережили, если б кто-то узнал про Поттеров. Миссис Поттер доводилась миссис Дурслей родной сестрой, но они много лет не общались, и, правду говоря, миссис Дурслей помалкивала о сестричке, словно той и нет вовсе: ведь что она, что ее никчемный муженек – это же просто уму непостижимо! Чету Дурслеев в дрожь бросало при мысли о том, что скажут соседи, объявись Поттеры на их улице. Дурслеи знали, что у Поттеров тоже есть сын, но никогда его не видели. Из-за сына от Поттеров следовало держаться еще дальше – не хватало, чтобы Дудли водился с такими детьми.

Когда мистер и миссис Дурслей проснулись скучным и серым утром во вторник – с которого и начинается наша история, – ничто в пасмурном небе за окном не предвещало грядущих загадок и тайн. Мистер Дурслей гудел что-то себе под нос, выбирая на работу галстук поскучнее, а миссис Дурслей весело сплетничала, запихивая орущего Дудли в высокий детский стульчик.

Никто не заметил большой серой совы, пролетевшей за окном.

В половине девятого мистер Дурслей взял портфель, клюнул миссис Дурслей в щеку и попытался клюнуть на прощание и сына, но промахнулся, ибо тот расскандалился и всю расшвыривал овсянку по стенам.

– Лапуля моя, – курлыкнул мистер Дурслей и шагнул за порог. Он сел в машину и задним ходом вырулил на Бирючинную улицу.

Нечто странное он впервые заметил на перекрестке – там кошка изучала карту. Он сначала даже не понял, что это было, – но потом резко обернулся. На углу Бирючинной улицы действительно стояла полосатая кошка, но без карты. Прибредится же... Наверное, игра света. Мистер Дурслей моргнул и воззрился на кошку. Кошка воззрилась на него. Он уже выехал на главную дорогу, но следил за кошкой в зеркальце заднего вида. Та читала на указателе название

улицы – то есть нет, она *смотрела* на указатель, кошки не умеют читать *ни* карты, *ни* указатели. Мистер Дурслей встряхнулся и решительно выкинул кошку из головы. И всю дорогу до города думал единственно о крупном заказе на сверла, который рассчитывал нынче получить.

Однако на подъезде к городу кое-что заставило мистера Дурслея позабыть и о сверлах. Стоя в ежедневной утренней пробке, он поневоле заметил, что кругом полно странно одетых людей. Людей в мантиях! Мистер Дурслей терпеть не мог вызывающей одежды – чего только на себя не натягивает нынешняя молодежь! Видно, мантия – последний писк какой-то кретинской моды. Он забарабанил пальцами по рулю, и взгляд его случайно остановился на кучке придурков, сгрудившихся совсем рядом. Те оживленно шептались, и мистер Дурслей с возмущением разглядел, что двое-трое в компании отнюдь не молоды! Наоборот, вон тот дед старше мистера Дурслея, а вырядился в изумрудно-зеленую мантию. Ни стыда ни совести! Но тут до мистера Дурслея дошло, что это какая-то хитрая уловка: видимо, сбор пожертвований... Да, наверняка. Машины наконец поехали, и через пару минут мистер Дурслей, весь в мыслях о сверлах, подкатил к стоянке «Груннинга».

В своем кабинете на девятом этаже мистер Дурслей всегда сидел спиной к окну. Иначе тем утром ему было бы трудно сосредоточиться на работе. Он не видел, как мимо его окна одна за другой проносятся совы, – зато прохожие на улице видели; они раскрывали рты и тыкали вверх пальцами. Подумать, середь бела дня! Почти никому и ночью-то этих птиц видеть не доводилось. Рабочее утро мистера Дурслея между тем шло своим чередом, бессовно. Он наорал на пятерых подчиненных. Сделал несколько важных телефонных звонков. Поорал еще. А в обед, крайне довольный собой, решил выйти на улицу размяться и заодно купить булочку.

Он и не вспомнил бы про людей в мантиях, если бы возле булочной не наткнулся на новое сборище. Проходя мимо, мистер Дурслей гневно зыркнул на идиотов: они его почему-то нервировали. Компания, как и та, утренняя, о чем-то возбужденно шепталась – и, кстати, жестянок для пожертвований мистер Дурслей у них не приметил.

На обратном пути, сжимая в руке пакет с большим пончиком, он случайно услышал обрывки их разговора:

– Поттеры, все верно, именно так я и слышал...

– ...да-да, их сын, Гарри...

Мистер Дурслей замер. Его обуял страх. Он оглянулся и хотел было что-то сказать, но передумал.

Он помчался назад в контору, добежал до кабинета, рывкнул секретарше: «Не беспокоить!» – и почти уже набрал свой домашний номер, но вдруг остановился. Положил трубку, задумчиво погладил усы... Нет, это глупо. Поттер – не такая уж редкая фамилия. Наверняка существует масса людей по фамилии Поттер, у которых есть сын Гарри. Да и, если на то пошло, он не уверен, что племянника зовут Гарри. Он ни разу даже не видел мальчишку. Может, тот – Гаррет. Или Гарольд. К чему зря тревожить миссис Дурслей; чуть вспомнишь о ее сестре, бедняжка всегда расстраивается. Оно и понятно: если бы у *него* была такая сестра... Но все равно, эти мантии...

После обеда о сверлах думалось плохо, и, покидая контору в пять, взволнованный мистер Дурслей едва не сбил с ног прохожего.

– Извиняюсь, – буркнул он, не глядя на крохотного человечка, который споткнулся и чуть не упал. Мистер Дурслей не сразу осознал, что человечек одет в фиолетовую мантию.

При этом, чудом избежав падения, недомерок нисколько не огорчился. Напротив, весь просиял и воскликнул до того скрипуче, что на него обернулись прохожие:

– Не извиняйтесь, не извиняйтесь, дорогой сэръ, ибо сегодня ничто не омрачит моего счастья! Возрадуйтесь: Сами-Знаете-Кто наконец сгинул! Сегодня даже у вас, муглов, должен быть великий, великий праздник!

Старичок приобнял мистера Дурслея за талию – и унесся прочь.

Мистер Дурслей прирос к асфальту. Его только что обнял совершенно незнакомый человек. И еще его, кажется, обозвали муглом – что бы это ни означало. Мистер Дурслей в изрядном замешательстве поспешил к машине и скорее поехал домой, очень надеясь, что у него попросту разыгралось воображение. Никогда еще он не надеялся на подобное раньше, ибо не одобрял воображения как такового.

Подъезжая к дому, он сразу увидел – и настроение его не улучшилось – давешнюю полосатую кошку. Та сидела на ограде у его собственного дома. Наверняка та же самая: точно те же отметины вокруг глаз.

– Брысь! – громко сказал мистер Дурслей.

Кошка не шелохнулась. Лишь строго на него посмотрела. «Это что, нормально для кошки?» – нервно подумал мистер Дурслей, но постарался взять себя в руки и вошел в дом. Он был твердо настроен не впутывать в это дело жену.

Миссис Дурслей провела день совершенно нормально. За ужином она подробнее рассказала мистеру Дурслею о непослушной дочери миссис Пососедству и о том, что Дудли освоил новое выражение («Не хочу»). Мистер Дурслей старался вести себя как обычно. Когда Дудли наконец водворили в постель, мистер Дурслей отправился в гостиную к телевизору, как раз под конец выпуска новостей, и услышал:

– И последнее. Наблюдатели со всех концов страны сообщают, что сегодня совы вели себя весьма необычно. Эти птицы охотятся по ночам и практически никогда не выходят при дневном свете, однако сегодня были отмечены сотни случаев их появления. С самого рассвета совы так и сновали вокруг. Эксперты пока не находят разумного объяснения, отчего это совам вдруг вздумалось стать жаворонками... – Диктор позволил себе улыбнуться. – Крайне загадочно... Ну, а сейчас Джим Макгаффин с прогнозом погоды. Что, будут у нас вечером совопады, Джим?

– Об этом, Тед, – ответил метеоролог, – мне ничего не известно, однако сегодня не одни только совы вели себя неестественно. Телезрители Кента, Йоркшира, Данди – отовсюду – целый день звонили и сообщали, что вместо ливня, который я обещал вчера, у них прошел метеоритный дождь! Похоже, народ уже начал праздновать Ночь Гая Фокса. Рановато, друзья, она лишь на следующей неделе... Но, кстати, сегодня ночью дождь я гарантирую.

Мистер Дурслей так и застыл в кресле. Метеоритные дожди по всей Британии? Совы среди бела дня? Странные люди в мантиях? И еще этот шепоток – шепоток про Поттеров...

Миссис Дурслей вошла в гостиную с двумя чашками чая. Нет, так не годится. Надо ей рассказать. Он прокашлялся.

– Э-э-э... Петунья, дорогая... к слову... про сестру твою ничего не слышно?

Как он и ожидал, миссис Дурслей разволновалась и рассердилась. Ведь у них было принято делать вид, что никакой сестры не существует.

– Нет, – резко ответила она. – А что?

– Да тут всякую ерунду передают в новостях, – промямлил мистер Дурслей. – Совы... метеоритный дождь... а еще в городе полно чудных людей...

– И что? – перебила миссис Дурслей.

– Ну, я подумал... а вдруг... вдруг это как-то связано с... ну, ты понимаешь... с ее гоппкомпанией.

Миссис Дурслей, поджав губы, тянула из чашки чай. Мистер Дурслей колебался: говорить или нет, что сегодня на улице он слышал имя Поттеров? Нет, пожалуй, он не осмелится. И он спросил как можно равнодушнее:

– А их сын... Он ведь по возрасту примерно как наш Дудли?

– Вроде бы, – процедила миссис Дурслей.

– А как там его? Говард?

– Гарри. Отвратное, простонародное имя!

– Да-да, – сказал мистер Дурслей. У него прямо-таки оборвалось сердце. – Абсолютно с тобой согласен.

Больше он ничего не сказал, и супруги отправились спать. Пока миссис Дурслей умывалась, мистер Дурслей на цыпочках подкрался к окну и выглянул в сад. Кошка по-прежнему сидела на ограде. Она внимательно смотрела на Бирючинную улицу и словно чего-то ждала.

Все-таки у него разыгралось воображение. Неужели и это связано с Поттерами? И если так... Если выплыло, что Дурслей в родстве с... Нет, такого он просто не вынесет.

Супруги легли в постель. Миссис Дурслей уснула немедленно, а мистер Дурслей лежал и думал, думал. Впрочем, перед отходом ко сну одна мысль его успокоила: даже если Поттеры и причастны к происходящему, он и миссис Дурслей здесь ни при чем. Поттерам прекрасно известно, что он и Петуния их не жалуют... Не хватало еще вляпаться в какую-нибудь историю, если есть куда вляпываться, конечно. Он зевнул и перевернулся на бок. Они тут совершенно ни при чем...

Как же он ошибался!

Мистер Дурслей погрузился в беспокойный сон, а кошка на садовой ограде даже не зевнула ни разу. Она сидела неподвижно, как статуя, и неотрывно следила за дальним въездом на Бирючинную улицу. Кошка не шелохнулась, ни когда на соседней улице хлопнула дверца машины, ни когда мимо пролетели две совы. Впервые кошка пошевелилась лишь около полуночи.

На углу, за которым она наблюдала, появился человек – так неожиданно, будто выскочил из-под земли. Кошка повела хвостом и сузила глаза.

Подобного человека Бирючинная улица еще не видывала. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебристым волосам и бороде, до того длинным, что хоть затыкай за пояс. Одет он был в длинную мантию и ниспадавший до земли пурпурный плащ, а обут в башмаки с пряжками и на высоких каблуках. Голубые глаза ярко искрились под очками со стеклами-полумесяцами, а длинный нос был до того крючковат, будто его минимум дважды ломали. Звали этого человека Альбус Думбльдор.

Он, по всей видимости, не сознавал, что все в нем, от имени до башмаков, неприемлемо для обитателей Бирючинной улицы. Он озабоченно рылся в складках плаща и что-то искал. Но все же почувствовал, что за ним наблюдают, – и неожиданно вскинул взгляд на кошку, по-прежнему пристально смотревшую с другого конца улицы. Непонятно почему кошка позабыла его. Думбльдор хмыкнул и пробормотал:

– И как это я не догадался?

Он нашел во внутреннем кармане то, что искал: нечто вроде серебряной зажигалки. Открыл, поднял, щелкнул. Ближайший уличный фонарь, тихо чпокнув, потух. Думбльдор снова щелкнул – и следующий фонарь, поморгав, погас. Двенадцать раз щелкал мракёр, и наконец на всей улице осталось лишь два далеких огонька – кошкины глаза, светившиеся в темноте. Никто, даже остроглазая миссис Дурслей, выгляни она сейчас на улицу, ничего бы не разглядел. Думбльдор сунул мракёр обратно под плащ и зашагал к дому № 4. Там он сел на ограду рядом с кошкой и, не оборачиваясь, сказал:

– Вот так встреча, профессор Макгонаголл.

Он хотел было улыбнуться полосатой кошке, но та исчезла. Вместо нее Думбльдор улыбнулся женщине довольно строгого вида, в квадратных очках той же формы, что и отметины вокруг кошкиных глаз. Женщина – тоже в плаще, но изумрудном, и с черными волосами, стянутыми на затылке в тугий пучок, – была явно на взводе.

– Как вы догадались, что это я? – спросила она.

– Моя дорогая, я ни разу не видел, чтобы настоящие кошки так каменели.

– Окаменеешь за целый день на холодном кирпиче, – ворчливо отозвалась профессор Макгонаголл.

– За целый день? Вместо того чтобы праздновать? По дороге сюда я видел по меньшей мере десяток пиршеств.

Профессор Макгонаголл недовольно фыркнула.

– О, конечно, все празднуют, – бросила она недовольно. – Казалось бы, надо поосторожней, так нет, даже муглы что-то заметили. Это было у них в новостях. – Она кивнула на дом Дурслеев и темное окно гостиной. – Я слышала. Стаи сов... метеоритный дождь... А что вы хотите, они же не дураки. Не могли не заметить. Метеоритный дождь в Кенте! Голову даю на отсечение, это фокусы Дедала Диггла. Никогда не отличался здравым смыслом.

– Ну-ну, не сердитесь, – мягко укорил Думбльдор. – За последние одиннадцать лет нам до обидного редко приходилось радоваться.

– Знаю, – раздраженно ответила профессор Макгонаголл. – Но это не повод терять голову. Все развеселились как дети! Разгуливают среди бела дня по улицам, даже не потрудившись одеться как муглы, и шушукуются о *таких* вещах!

Она пронзительно посмотрела на Думбльдора, словно надеясь что-то от него услышать, но он молчал, и она продолжила:

– Очень было бы интересно: Сами-Знаете-Кто сгинул, и тут как раз муглы узнают о нас!.. Он ведь и правда *сгинул*, да?

– Очень на то похоже, – ответил Думбльдор. – Так что у нас есть повод. Хотите лимончик?

– *Что?*

– Лимончик. Это такая мугловая карамелька, мне они очень нравятся.

– Нет, спасибо, – произнесла профессор Макгонаголл неодобрительно: до карамелек ли? – Так вот, хотя Сами-Знаете-Кто сгинул...

– Моя дорогая, вы же разумный человек и конечно же можете называть его по имени! А то – «Сами-Знаете-Кто»... Глупости! Одиннадцать лет добиваюсь, чтобы его называли настоящим именем: Вольдеморт.

Профессор Макгонаголл вздрогнула, но Думбльдор как раз отлеплял одну карамельку от другой и ничего не заметил.

– Все только запутывается от этого «Сами-Знаете-Кто». Не понимаю, почему все боятся произносить имя Вольдеморта.

– Вы-то не понимаете, – сказала профессор Макгонаголл с досадой и восхищением, – да только вы – не все. Известно ведь, что Сами-Знаете... Ну хорошо, что *Вольдеморт* вас одного и боится.

– Вы мне льстите, – спокойно ответил Думбльдор. – Вольдеморт умеет такое, до чего мне никогда...

– До чего вы никогда не опуститесь.

– Хорошо, что сейчас темно. Я так не краснел с тех пор, как мадам Помфри похвалила мои новые меховые наушники.

Профессор Макгонаголл пронзила Думбльдора острым взглядом:

– Совы – ерунда, пусть себе носятся. Но вот слухи... Слышали, о чем все говорят? Почему он сгинул? И что его в конце концов остановило?

Было видно, что именно это волнует ее больше всего. Из-за этого она целый день просидела на холодной каменной ограде – ни в обличии кошки, ни после она еще не смотрела на Думбльдора так пристально. Что бы ни говорили «все», она ничему не поверит, пока этого не подтвердит Думбльдор. Тот между тем выбирал новую карамельку – и не ответил.

– *Говорят*, – не сдавалась профессор Макгонаголл, – что прошлой ночью Вольдеморт объявился в Годриковой лощине. Пришел за Поттерами. И по слухам, Лили и Джеймс Поттеры... Лили и Джеймс... *погибли*.

Думбльдор склонил голову. Профессор Макгонаголл охнула.

– Лили и Джеймс... не могу поверить... не хотела верить... Как же так, Альбус...

Думбльдор похлопал ее по плечу.

– Ну-ну... ничего... – мрачно произнес он.

Профессор Макгонаголл продолжала, и голос ее дрожал:

– Это еще не все. Говорят, он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но – не смог. Не сумел убить маленького мальчика. Никто не знает, как и почему, но, говорят, когда ему не удалось убить Гарри, он вдруг словно бы потерял силу – и исчез.

Думбльдор хмуро кивнул.

– Это... правда? – Профессор Макгонаголл даже запнулась. – После всего, что он сделал... столько погубил... не сумел убить ребенка? Поразительно... Чтобы именно это его остановило?.. Но как, во имя неба, Гарри выжил?

– Остается только гадать, – отозвался Думбльдор. – Может, никогда и не узнаем.

Профессор Макгонаголл достала кружевной платочек и промокнула глаза под очками. Думбльдор громко шмыгнул носом, вытащил из кармана золотые часы и сверился с ними. То были очень странные часы: двенадцать стрелок и никаких цифр на циферблате; вместо цифр по кругу двигались маленькие планеты. Тем не менее Думбльдору они, видимо, говорили о многом, потому что вскоре он убрал часы в карман и промолвил:

– ОGRID запаздывает. Это ведь он вам сказал, что я буду здесь?

– Да, – ответила профессор Макгонаголл, – и, я думаю, вы вряд ли объясните, почему именно здесь?

– Я собираюсь отдать Гарри его дяде и тете. Других родственников у него не осталось.

– Что? Людям из этого дома? – вскричала профессор Макгонаголл, вскакивая с ограды и тыча пальцем в дом № 4. – Думбльдор, как же можно! Я наблюдала за ними весь день... Они – полная наша противоположность. А их сын!.. Видели бы вы, как он орал и пинал мать ногами на улице – конфет требовал! И чтобы Гарри Поттер жил с ними?..

– Здесь ему будет лучше всего, – твердо сказал Думбльдор. – Его дядя и тетя все ему объяснят, когда он немного подрастет. Я написал им письмо.

– Письмо? – слабым голосом переспросила профессор Макгонаголл, вновь опускаясь на ограду. – Думбльдор, вы и правда полагаете, что все это можно растолковать в письме? Таким людям его никогда не понять! Он будет знаменит – станет легендой – не удивлюсь, если в будущем сегодняшней день назовут Днем Гарри Поттера, – о нем напишут книги – его имя будет известно каждому ребенку!

– Именно. – Думбльдор серьезно поглядел на нее поверх очков. – И это любому вскружит голову. Еще ходить не умеешь, а уже знаменитость! При чем из-за того, о чем сам не помнишь! Разве вы не понимаете, насколько лучше, если он вырастет вдали от шумихи и узнает правду, лишь когда сможет сам во всем разобраться?

Профессор Макгонаголл хотела возразить, но передумала. Сглотнув, она сказала:

– Да-да, конечно, вы правы. Но как мальчик попадет сюда?

Она подозрительно оглядела плащ Думбльдора: не скрывается ли в складках ребенок?

– ОGRID привезет.

– Полагаете, это... *разумно* – доверять столь важное дело ОGRIDу?

– Я бы доверил ему свою жизнь, – ответил Думбльдор.

– Нет, он, конечно, человек добрый, хороший, – неохотно пояснила профессор Макгонаголл, – но, согласитесь, уж очень безалаберный. И его всегда так и тянет... Это еще что такое?

Низкий рокот взорвал тишину улицы. Думбльдор и профессор Макгонаголл заозирались, не понимая, откуда он приближается, и ожидая увидеть свет фар. Скоро рокот сделался оглушительным; они подняли головы к небу – и прямо оттуда на дорогу свалился огромный мотоцикл.

Мотоцикл был огромен, но казался крошечным под своим седоком, человеком раза в два выше и по крайней мере раз в пять толще обычного. Он был как-то непозволительно громаден и казался диким – кустистые черные лохмы и косматая борода, под которыми почти не видно

лица, лапищи размером с крышку мусорного бака, ноги в кожаных сапогах, похожие на дельфинят-подростков. В громадных мускулистых руках гигант держал сверток из одеял.

– Огрид, – с облегчением сказал Думбльдор. – Наконец-то. Где ты взял мотоцикл?

– Позаимствовал, профессор Думбльдор, сэр, – ответил гигант, осторожно слезая с седла. – У юного Сириуса Блэка.

– По дороге никаких неприятностей?

– Нет, сэр. Дом раздолбало, но мальчика удалось вытащить, пока муглы не понабежали. Он уснул над Бристолем.

Думбльдор и профессор Макгонаголл склонились над свертком. Внутри, еле видимый, спал младенец. Под угольно-черной челкой на лбу виднелся порез необычной формы – совсем как зигзаг молнии.

– Значит, сюда... – прошептала профессор Макгонаголл.

– Да, – отозвался Думбльдор. – Шрам останется на всю жизнь.

– А нельзя что-нибудь с этим сделать, Думбльдор?

– Даже если бы и можно, я бы не стал. Шрамы бывают полезны. У меня, например, шрам над левым коленом – в точности схема лондонской подземки... Что же, давай ребенка сюда, Огрид. Дело есть дело.

Думбльдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслеев.

– А можно... можно с ним попрощаться, сэр? – попросил Огрид. Он склонил большую лохматую голову над Гарри и поцеловал малыша. Поцелуй, вероятно, был очень колкий. После этого Огрид вдруг завыл раненым псом.

– Ш-ш-ш! – зашипела профессор Макгонаголл. – Разбудишь муглов!

– И-и-извиняюсь, – всхлипнул Огрид. Он извлек откуда-то громадный крапчатый носовой платок и спрятал в нем физиономию. – Но я не могу-у-у! Лили с Джеймсом померли... А малыша Гарри отправляют к муглам...

– Да, да, это очень грустно, но ты уж возьми себя в руки, Огрид, не то нас заметят, – зашептала профессор Макгонаголл, осторожно похлопывая Огрида по руке.

Думбльдор меж тем перешагнул низенькую садовую ограду и направился к двери. Аккуратно положил Гарри на порог, достал из-под плаща письмо, сунул его в одеяльце и вернулся к своим. С минуту все молча глядели на крошечный сверток. Плечи Огрида вздрагивали, профессор Макгонаголл отчаянно моргала, а свет, обычно струившийся из глаз Думбльдора, как будто потух.

– Что ж, – сказал наконец Думбльдор. – Вот и все. Здесь нам больше делать нечего. Идемте праздновать?

– Ага. – Огрид еле мог говорить. – Мне еще надо байк Сириусу оттащить. Д'зданья, профессор Макгонаголл... профессор Думбльдор, сэр.

Утирая ручьи слез рукавом куртки, Огрид оседлал мотоцикл и пнул стартер; машина с ревом взвилась в воздух и скрылась в ночи.

– Надеюсь, скоро увидимся, профессор Макгонаголл, – кивнул Думбльдор. В ответ профессор Макгонаголл высморкалась в платочек.

Думбльдор развернулся и пошел прочь по улице. На углу он остановился и вытащил серебристый мракёр. Щелкнул всего раз, и двенадцать световых шаров мгновенно вкатились в уличные фонари. Вся Бирючинная улица вдруг засветилась оранжевым, и стало видно, как вдали за угол скользнула полосатая кошка. На пороге дома № 4 едва виднелся маленький сверток.

– Удачи тебе, Гарри, – пробормотал Думбльдор, развернулся на каблуках, шелестнув плащом, и исчез.

Легкий ветерок шевелил аккуратно подстриженные кустики Бирючинной улицы, тихой и опрятной под чернильными небесами. Где угодно, только не здесь можно было ждать загадоч-

ных и удивительных дел. Гарри Поттер в одеяле повернулся на другой бок, но не проснулся. В пальчиках он сжимал письмо и спал крепко, не подозревая, что он особенный, что он знаменитый, не ведая, что через несколько часов ему предстоит проснуться от воплей миссис Дурслей, которая выйдет на крыльцо с бутылками для молочника, и что следующие несколько недель его будет беспрерывно пихать и щипать двоюродный братец Дудли... Он не знал, что в это самое время люди по всей стране, собравшись на тайные празднества, поднимают бокалы и приглушенно восклицают: «За Гарри Поттера – мальчика, который остался жив!»

Глава вторая

Исчезнувшее стекло

Почти десять лет минуло с тех пор, как супруги Дурслей проснулись утром и нашли на крыльце собственного дома своего племянника, но Бирючинная улица осталась прежней. Солнце, встав, освещало все те же аккуратные садики, зажигало латунным светом табличку с номером четыре на двери дурслеевского дома и прокрадывалось в гостиную, очень мало изменившуюся с тех пор, как мистер Дурслей увидел по телевизору судьбоносные новости о совах. Лишь фотографии на каминной полке показывали, сколько воды утекло. Десять лет назад тут теснились снимки розового пляжного мячика в разноцветных чепчиках – но теперь Дудли Дурслей был далеко не младенец. С фотографий глядел упитанный светлоголовый мальчик: вот он впервые сел на велосипед, вот катается на карусели, играет с папой за компьютером, вот его обнимает и целует мама... И нигде – ни намека на то, что в доме живет еще один мальчик.

Гарри Поттер, однако, жил здесь до сих пор – и сейчас спал, хотя спать ему оставалось недолго. Тетя Петунья уже поднялась, и именно ее голос возвестил для Гарри наступление дня:

– Подъем! Вставай! Быстро!

Гарри так и подскочил в постели. Тетя забарабанила в дверь.

– Подъем! – верещала она.

Гарри услышал, как она прошла на кухню и брякнула сковородкой о плиту. Он перекатился на спину и попробовал вспомнить свой сон. Хороший такой сон. Будто бы он летал на мотоцикле. Кажется, прежде ему такое уже снилось.

Тетя снова оказалась за дверью.

– Ну что, встал? – грозно прокричала она.

– Почти, – отозвался Гарри.

– Шевелись! Надо приглядеть за беконом. Пригорит – убью! В день рождения Дудли все должно быть идеально.

Гарри застонал.

– Что? – рявкнула тетя Петунья из-за двери.

– Ничего, ничего.

У Дудли день рождения – как это он забыл? Гарри сонно вывалился из постели и стал искать носки. Те оказались под кроватью, и Гарри надел их, сначала вытряхнув паука. Пауков он не боялся, привык: в чулане под лестницей их водилась тьма-тьмущая, а как раз в чулане Гарри и спал.

Одевшись, он пошел через холл на кухню. Стола практически не было видно под коробками и свертками. Похоже, Дудли, как и хотел, получил в подарок и новый компьютер, и второй телевизор, и гоночный велосипед. Зачем ему гоночный велосипед, оставалось для Гарри загадкой: толстяк Дудли терпеть не мог шевелиться – разве лишь затем, чтобы кому-нибудь вмазать. Боксерской грушей чаще всего служил Гарри – если, конечно, его удавалось поймать. По виду не скажешь, но бегал Гарри очень быстро.

Возможно, из-за жизни в темном чулане Гарри был маловат и шупловат для своего возраста. А выглядел еще мельче и худее, поскольку всегда донашивал старую одежду за Дудли, большим и толстым, крупнее Гарри раза в четыре. У Гарри было худое лицо, острые коленки, черные волосы и ярко-зеленые глаза. Он носил круглые очки, перемотанные посередине скотчем – оправа часто ломалась, потому что Дудли то и дело бил Гарри по носу. В собственной внешности Гарри нравился один лишь тонкий шрам на лбу – в виде зигзага молнии. Шрам у него был, сколько он себя помнил, и, едва научившись говорить, Гарри первым делом спросил тетю Петунью, откуда тот взялся.

– Это из-за аварии, в которой погибли твои родители, – ответила тетя Петуния. – И не задавай дурацких вопросов.

Не задавай дурацких вопросов – первое правило спокойной жизни дома Дурслеев.

Дядя Вернон вошел в кухню, когда Гарри переворачивал бекон. – Причешись! – рявкнул дядя вместо утреннего приветствия.

Примерно раз в неделю дядя Вернон взглядывал на Гарри поверх газеты и кричал, что мальчишке надо подстричься. Гарри стригли, наверное, чаще, чем всех остальных мальчиков в классе, вместе взятых, но толку не было никакого, ибо так у него росли волосы – во все стороны.

Когда на кухню в сопровождении мамы явился Дудли, Гарри уже бросил на сковородку яйца. Дудли был очень похож на дядю Вернона: такое же крупное розовое лицо, отсутствие шеи, те же водянистые голубые глазки и густые светлые волосы, ровной шапкой облеплявшие большую толстую голову. Тетя Петуния называла Дудли ангелочком – Гарри звал его «шпиг надел парик».

Гарри расставил тарелки с яичницей, что оказалось непросто; на столе почти не было места. Дудли тем временем подсчитал подарки. Лицо его помрачнело.

– Тридцать шесть, – сказал он, поглядев на родителей. – На два меньше, чем в прошлом году.

– Котинька, ты забыл посчитать подарочек от тети Марджи, видишь, вот он, под большой коробочкой от мамули с папулей.

– Ну хорошо, тридцать семь. – Дудли побагровел.

Сообразив, что грядет истерика, Гарри стал торопливо глотать бекон, а то как бы Дудли не перевернул стол.

Тетя Петуния, очевидно, тоже почуяла опасность и затараторила: – И мы купим тебе еще два подарка, когда пойдем гулять, да? Как тебе такое, пончик? Еще два подарочка. Хорошо?

Дудли задумался. Что для него явно было непросто. И наконец медленно выговорил:

– Так что у меня будет тридцать... тридцать...

– Тридцать девять, конфеточка, – подсказала тетя Петуния.

– Ага. – Дудли плюхнулся на стул и схватил ближайший сверток. – Тогда ладно.

Дядя Вернон одобрительно хмыкнул:

– Медвежонок знает себе цену – весь в папу. Молодчина, Дудли! – и взъерошил сыну волосы.

Зазвонил телефон. Тетя Петуния пошла ответить, а Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дудли распаковывает гоночный велосипед, видеокамеру, самолет с дистанционным управлением, шестнадцать новых компьютерных игр и видеоманитофон. Он уже срывал обертку с золотых наручных часов, когда вернулась тетя Петуния, сердитая и озабоченная.

– Плохие новости, Вернон, – объявила она. – Миссис Фигг сломала ногу и не сможет с ним посидеть. – Тетя Петуния мотнула головой в сторону Гарри.

Дудли в ужасе разинул рот, зато сердце Гарри всколыхнулось от радости. Каждый год в день рождения родители устраивали Дудли праздник – брали его с кем-нибудь из друзей на аттракционы в парк, кормили гамбургерами или водили в кино. А Гарри на это время сдавали миссис Фигг, чокнутой бабке, которая жила через две улицы. Гарри терпеть не мог с ней оставаться. Там в доме воняло капустой, и она заставляла Гарри рассматривать фотографии кошек, которых за долгую жизнь у нее перебывало великое множество.

– И как быть? – Тетя Петуния возмущенно посмотрела на Гарри, словно все это было его рук дело. Тот понимал, что должен бы посочувствовать миссис Фигг, да только не мог себя заставить: ведь теперь впереди еще целый год без Снежинки, Пуфика, дяди Лапки и Хохлика!

– Давай позвоним Марджи, – предложил дядя Вернон.

– Не говори глупостей, Вернон, сам знаешь – она ненавидит мальчишку.

Дядя с тетей часто говорили о Гарри в его присутствии так, будто его нет рядом; точнее, так, будто он – какой-то мерзкий слизняк и не в состоянии их понять.

– А эта, как бишь ее, твоя подруга... Ивонна?

– В отпуске на Майорке, – отрезала тетя Петунья.

– Оставьте меня дома, – с надеждой предложил Гарри (он в кои-то веки сможет посмотреть по телевизору что захочется или даже поиграть на компьютере Дудли).

Тетя Петунья скривилась, точно разжевала лимон.

– Чтобы потом вернуться к руинам? – проворчала она.

– Я не взорву дом, – сказал Гарри, но его не слушали.

– Давай возьмем его в зоопарк... – медленно заговорила тетя Петунья, – ...и оставим в машине...

– Машина, между прочим, новая, я его там одного не оставлю...

Дудли громко зарыдал. Не по-настоящему, конечно, – он сто лет не плакал по-настоящему, – но знал, что, если как следует скривиться и завывать, мама сделает для него что угодно.

– Динки-дуди-дум, не плачь, мамочка не позволит ему испортить тебе праздник! – воскликнула тетя Петунья, обвивая руками шею сына.

– Я... не... хочу... чтоб... он... шел... с... нами! – голосил Дудли между притворными всхлипами. – Он в-вечно в-все портит! – И Дудли злорадно ухмыльнулся Гарри из-под маминых рук.

Тут раздался звонок в дверь.

– Боже мой, уже пришли! – в отчаянии вскрикнула тетя Петунья – и на пороге возник лучший друг Дудли, Пирс Полкисс, с мамой. Тщедушный, с крысиным лицом, Пирс обычно выкручивал руки тем, кому Дудли собирался вмазать.

Дудли сразу перестал плакать.

Через полчаса Гарри, не веря своему счастью, впервые в жизни ехал в зоопарк – рядом с Дудли и Пирсом, на заднем сиденье. Дядя с тетей так и не придумали, куда бы его сплавить, но перед отъездом из дома дядя Вернон отвел его в сторонку и прошипел, приблизив к нему огромное багровое лицо:

– Предупреждаю, парень: один фокус, одна-единственная твоя штучка – и ты не выйдешь из чулана до Рождества.

– Да я ничего и не собирался, – сказал Гарри, – честно...

Но дядя Вернон ему не поверил. Никто ему не верил, никогда.

Беда в том, что с Гарри часто происходило странное и убеждать Дурслеев, будто он тут ни при чем, было бесполезно.

Однажды, например, тетя Петунья, возмущившись, что Гарри опять вернулся из парикмахерской «будто не стригся вовсе», обкорнала его кухонными ножницами почти налысо и оставила только челку, «чтобы прикрыть этот гадкий шрам». Дудли чуть не лопнул от смеха, а Гарри всю ночь не спал – представлял, как завтра пойдет в школу, где его и так дразнили за мешковатую одежду и склеенные очки. Однако утром обнаружилось, что волосы снова отросли, будто их никто и не стриг, и Гарри на неделю упрятали в чулан, хоть он и пытался объяснить, что не может объяснить, как они отросли так быстро.

В другой раз тетя Петунья хотела обрядить его в омерзительный старый свитер Дудли (коричневый с рыжими помпонами). Но, чем сильнее она старалась натянуть его на Гарри, тем стремительней уменьшался свитер, и в конце концов стало ясно, что он не налезет и на куклу. Тетя Петунья решила, что свитер, видимо, сел при стирке, и Гарри, к великому его облегчению, не наказали.

Зато, когда он неизвестно как очутился на крыше школьной столовой, ему пришлось туго. Дудли с друзьями, по обыкновению, гонялись за ним, и вдруг оказалось, что Гарри сидит на трубе, чему сам он удивился не меньше прочих. Дурслеи получили сердитое письмо

от его классной руководительницы, уведомлявшее, что мальчик лазит по крышам школьных построек. А мальчик всего лишь (как он пытался втолковать дяде Вернону через запертую дверь чулана) пытался запрыгнуть за мусорные баки, выставленные у столовой. Но его, наверное, подхватило и унесло сильным ветром.

Но сегодня ничего плохого не произойдет. И даже с обществом Дудли и Пирса можно смириться – ради счастья побыть не в школе, и не в чулане, и не в капустной гостиной миссис Фигг.

Дядя Вернон крутил руль и жаловался на жизнь тете Петунии. Он вообще любил жаловаться: подчиненные, Гарри, местный совет, Гарри, банк, Гарри – вот лишь несколько излюбленных его тем. Сейчас ему не угодили мотоциклы.

– ...носятся как полоумные, хулиганье, – буркнул он, когда мимо промчался мотоциклист.

– А я мотоцикл во сне видел, – вдруг вспомнил Гарри. – Он летал.

Дядя Вернон едва не врезался в идущую впереди машину. Он резко обернулся, напоминая лицом гигантскую свеклу с усами, и завопил:

– МОТОЦИКЛЫ НЕ ЛЕТАЮТ!

Дудли с Пирсом хрюкнули.

– Знаю, – согласился Гарри. – Но это же сон.

Он пожалел, что раскрыл рот. Хуже лишних вопросов для Дурслеев были только рассказы о вещах, действующих не так, как положено, пусть во сне или даже в мультфильме: Дурслеям сразу казалось, что у Гарри появляются опасные мысли.

Суббота выдалась очень солнечной, и в зоопарке было полно народу. Дудли и Пирсу купили по большому шоколадному мороженому, а потом – улыбчивая продавщица успела спросить, чего хочет Гарри, прежде чем его оттащили от ее тележки, – Дурслеям пришлось раскошелиться на дешевый лимонный лед и ему. Тоже неплохо, решил Гарри, облизывая мороженое и наблюдая за гориллой, чесавшей голову: ни дать ни взять Дудли, только волосы черные.

То было лучшее утро в жизни Гарри. Он предусмотрительно держался поодаль от остальных, чтобы Дудли и Пирс, которым к обеду зоопарк поднадоел, не вздумали обратиться к своему любимому занятию – колотить его. Они пообедали в ресторане прямо в зоопарке и, когда Дудли учинил скандал – якобы в десерте «Полосатый чулок» сверху слишком мало мороженого, – дядя Вернон купил ему другую порцию, а Гарри разрешили доесть первую.

Словом, все шло чересчур хорошо, а потому быстро закончилось.

После обеда они отправились в террариум. Внутри было темно и прохладно; вдоль стен тянулись освещенные витрины. За стеклом, меж камней и бревен, ползали, извивались, шныряли всевозможные змеи и ящерицы. Дудли с Пирсом хотели посмотреть здоровенных ядовитых кобр и толстых питонов, способных задушить человека. Дудли быстро отыскал самую большую змею. Она могла бы дважды обернуться вокруг машины дяди Вернона и сплющить ее в лепешку – только сейчас была не в настроении. Вообще-то она спала.

Дудли постоял, прижав нос к стеклу, поглядел на блестящие коричневые кольца, и заканючил:

– Пусть она поползает!

Дядя Вернон постучал по стеклу, но змея не шелохнулась.

– Постучи еще, – приказал Дудли.

Дядя Вернон громко забарабанил костяшками. Змея дрыхла.

– Ску-у-учно, – простонал Дудли и побрел прочь, загребая ногами.

Гарри подошел к витрине и взгляделся в змею. Он бы не удивился, если бы узнал, что та сохла со скуки, – подумать, целый день болван за болваном, которые долбят по стеклу и не дают покоя! Хуже, чем спать в чулане – там колотит в дверь одна только тетя Петуния, и Гарри разрешают ходить по всему дому.

И вдруг змея открыла круглые глаза. Медленно, очень медленно подняла голову и уставилась ему прямо в лицо.

И подмигнула.

Гарри вытаращился на нее. Потом быстро огляделся: не видит ли кто. Никто не видел. Тогда он повернулся к змее и тоже подмигнул.

Змея качнула головой на дядю Вернона и Дудли, а затем возвела глаза к потолку. Ее взгляд ясно говорил: *«И так все время»*.

– Понимаю, – пробормотал Гарри в стекло, хотя и не был уверен, что змея его слышит. – Небось достало?

Змея энергично кивнула.

– А ты вообще откуда? – полюбопытствовал Гарри.

Змея постучала хвостом по табличке у стекла. Гарри прочитал: «Боа-констриктор, Бразилия».

– Хорошо там, в Бразилии?

Боа-констриктор снова постучал по табличке, и Гарри прочел дальше: «Этот экземпляр выведен в зоопарке».

– Вот как? Значит, ты не был в Бразилии?

Констриктор потряс головой, и тут за спиной Гарри раздался оглушительный вопль, так что и он, и змея вздрогнули:

– ДУДЛИ! МИСТЕР ДУРСЛЕЙ! ИДИТЕ СЮДА! ПОСМОТРИТЕ НА ЗМЕЮ! ВЫ *НЕ ПОВЕРИТЕ*, ЧТО ОНА ВЫТВОРЯЕТ!

Дудли подбежал вразвалку.

– Прочь с дороги, ты, морда! – крикнул он, ткнув Гарри под ребра. От неожиданности Гарри упал на бетонный пол. Дальше все произошло до того быстро, что никто не успел ничего понять: только что Пирс с Дудли стояли, уткнувшись носами в стекло, а через секунду уже отскочили, взыв от ужаса.

Гарри сел и ахнул: стеклянная витрина, ограждавшая вольер с боа-констриктором, исчезла. Огромная змея, стремительно развертывая кольца, ползла наружу. По всему террариуму люди с громкими воплями неслись к выходам.

Змея быстро и бесшумно скользнула мимо Гарри, и тот услышал – готов был поклясться, что услышал, – ее тихий, свистящий шепот: «Бразилия, жди меня... С-с-спас-сибо, амиго».

Смотритель террариума был в шоке.

– Стекло, – повторял он как попугай. – Куда делось стекло?

Директор зоопарка, ни на секунду не переставая извиняться, собственноручно заварил тете Петунии крепкого сладкого чая. Дудли и Пирс беспомощно что-то бормотали. Насколько видел Гарри, боа-констриктор, проползая мимо, всего-навсего слегка прихватил их за пятки, но, когда все расселись в машине, Дудли уже рассказывал, что питон едва не откусил ему ногу, а Пирс клялся, что его чуть не задушили. Но самое мерзкое – по крайней мере для Гарри – началось, когда Пирс, слегка успокоившись, заявил:

– А Гарри с ним разговаривал! Скажешь, нет, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока Пирса заберут, и взялся за Гарри. От злости он едва мог говорить. Выдавил только:

– Вон – в чулан – сиди – без еды, – и рухнул в кресло. Тетя Петуния побежала за бренди.

Позже Гарри лежал в чулане и мечтал о часах. Он не знал, сколько времени и все ли уже заснули. А до того не смел вылезти и пробраться на кухню хоть что-нибудь съесть.

Он жил у Дурслеев почти десять лет, десять несчастливых лет, с младенчества, с того дня, когда его родители погибли в автокатастрофе. Он не помнил себя в той машине. Иногда, подолгу сидя в чулане и сильно напрягая память, он словно бы видел ослепительную зеленую

вспышку и ощущал жгучую боль во лбу. Видимо, это и было воспоминание об аварии, хотя непонятно, откуда взялась вспышка. Родителей он не помнил совсем. Дядя и тетя о них не говорили; спрашивать, разумеется, запрещалось. Их фотографий в доме не держали.

Малышом Гарри все мечтал о неведомом родственнике: вот он приедет и заберет его. Но такого не случилось. Кроме дяди и тети, у него никого не было. И все же иногда ему казалось (или он это придумывал?), что посторонние люди на улице его узнают. Очень, кстати, странные посторонние. Однажды они ходили по магазинам с тетей Петунией и Дудли, и какой-то крошечный человечек в фиолетовом цилиндре поклонился Гарри. После яростных расспросов, откуда Гарри знает этого типа, тетя волоком вытащила детей на улицу, так ничего и не купив. В другой раз, в автобусе, ему весело помахала рукой дикого вида старуха, вся в зеленом. А на днях некто лысый в длинном пурпурном плаще молча пожал ему руку и тут же ушел. Самым же странным было то, что все они исчезали при малейшей попытке их рассмотреть.

В школе у Гарри друзей не было. Все знали, что Дудли с приятелями терпеть не могут дурака Поттера с его мешковатой одеждой и разбитыми очками, а идти против Дудли и его компании никто не хотел.

Глава третья

Письма невесть откуда

Побег бразильского боа-констриктора обошелся Гарри дорогой ценой. К тому времени, когда его выпустили из чулана, уже начались летние каникулы и Дудли успел сломать новую видеокамеру, разбить радиуправляемый самолет и при первом же выезде на гоночном велосипеде сбить с ног старую миссис Фигг, тащившуюся по Бирючинной улице на костылях.

Гарри радовался, что уроки кончились, но от Дудли и его приятелей, ежедневно являвшихся в гости, деться было некуда. Пирс, Деннис, Малькольм и Гордон, как на подбор – тупые здоровяки, охотно признавали своим вожаком Дудли, самого среди них здорового и тупого, и с радостью составляли ему компанию в любимом занятии «гоняем Гарри».

Гарри старался почаще уходить из дома, бродил по окрестностям и думал о новом учебном годе. Там, казалось ему, брезжил слабый лучик надежды. В сентябре ему предстояло идти в среднюю школу – впервые в жизни без Дудли. Того зачислили в частную школу «Смылтингс», где некогда учился и дядя Вернон. Туда же записали и Пирса Полкисса. Гарри же определили в «Бетонные стены», районную общеобразовательную школу. Дудли это страшно веселило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.